

ПЕРВЫЙ БРАК ДОСТОЕВСКОГО

Принудительная работа, которую отец должен был выполнять на каторге, была очень тяжелой, но принесла ему пользу, укрепив его организм. Он не болел больше, от запоздалой юношеской незрелости не осталось и следа, он стал мужчиной и хотел любить. Первая же женщина, оказавшаяся несколько более ловкой по сравнению с неотесанными красавицами Семипалатинска, легко завладела его сердцем. Это произошло всего через несколько месяцев после его освобождения. Но какую ужасную женщину послала судьба москве отцу!⁹⁷

Среди офицеров семипалатинского полка был некий капитан Исаев, порядочный человек среднего ума и очень слабого здоровья, от него отказались все врачи города. Он относился к отцу с восторженной привязью и часто приглашал его к себе. Его жена Мария Дмитриевна принимала моего отца с большим радушим, старалась ему понравиться и сделать его более обходительным. Она знала, что скоро станет вдовой и должна будет существовать на скромную пенсию, назначаемую русским правительством офицерским вдовам, которой ей сдава хватит ^{этого} прохорчаться вместе с сыном, семилетним мальчиком⁹⁸. Предусмотрительно она уже подыскивала себе второго супруга. Достоевский казался ей лучшей партией в городе: он был очень одаренным писателем, у него была в Москве богатая тетка, посылавшая ему теперь все чаще деньги. Мария Дмитриевна изображала из себя поэтическую женщину, которая, будучи исполненной обществом маленького провинциального города, ищет избранную душу, сердце столь же возвышенное, как и ее. Она вскоре завладела простодушным сердцем моего отца, в 33 года полюбившего впервые.

Внезапно эта влюбленная дружба оборвалась. Капитан получил приказ о назначении в Кузнецк, маленький сибирский город, где находился полк другой дивизии, расквартированной в Семипалатинске⁹⁹. Он взял с собой жену и ребенка и через несколько месяцев после прибытия в Кузнецк умер от чахотки, которой давно страдал. Мария Дмитриевна сообщает Достоевскому о смерти мужа и начинает оживленно с ним переписываться. Пока, наконец, правительство не назначает ей скучную пенсию офицерской вдовы, она живет в нужде и горько жалуется на это москве отцу. Достоевский посыпает ей почти все деньги, полученные

им от родных. Он искренне жалеет ее, хотел бы защитить ее, ко чувство его к Марии Дмитриевне — скорее сострадание любовь. Поэтому, когда Мария Дмитриевна сообщает нашла в Кузнецке жениха ^{и Достоевский}₁₀₀ И скоро выйдет замуж, он

этому, вместо того чтобы огорчаться, и счастлив при мысли, что у бедной женщины будет наконец защитник. Он даже предпринимает шаги, прося своих друзей помочь устроить соперника в министерство, куда тот стремится попасть. И между прочим Достоевский совсем не смотрит на будущего супруга Марии Дмитриевны как на соперника. Тогда отец сомневался, может ли он вообще жениться, и считал себя больным. Давно исподволь развивавшаяся в нем эпилепсия начала давать себя знать, у него бывали странные приступы, внезапные судороги, изнурявшие его и делавшие не способным к работе. Полковые врачи, лечившие его, медлили еще с определением характера этих явлений; лишь гораздо позднее была названа болезнь Достоевского — эпилепсия. Между тем все — врачи, полковые товарищи, родные, барон Врангель, брат Михаил — отговаривали его от женитьбы, и Достоевский печально покоряется судьбе оставаться холостяком. Также и здесь у него много общего с князем Мышкиным в «Идиоте», который любит Настасью Филипповну, позволяет, несмотря на это, Рогожину увести ее и сохраняет со своим соперником дружеские отношения.

свою вдовью пенсию, но избалованную, ленившую и честолюбивую женщину не устраивало столь нищенское существование. Она хватается за свой первый план выйти за Достоевского, уже произведенного к тому времени в офицера. В письмах, становившихся все более частыми, она преувеличивает свою нужду, говорит, что устала от нее и грозится убить себя и сына. Достоевский очень беспокоится, хочет видеть ее, убедить, разуметь. Как бывший политический ссыльный он не имел права покидать Семипалатинск, но ему часто приходилось сопровождать научные экспедиции, разъезжавшие по поручению правительства по Сибири. Так, отец рассказывает в одном письме, как он сопровождал Петра Семёнова и его друзей, членов Географического общества, в Барнаул, маленький город, расположенный между Семипалатинском и Кузнецком. Когда генерал Гернгрос, губернатор Барнаула, услышал об их прибытии, он пригласил всю комиссию на бал и был особенно любезен с моим отцом. В глазах этого балтийца Достоевский, недавний каторжанин, был не преступником, а знаменитым писателем.

Его товарищи-офицеры, которым он доверил свое желание попасть в Кузнецк, нашли пути и средства послать его туда «по делам полка». Дивизия, квартировавшая в Семипалатинске, посыпала своему полку в Кузнецк фургон, груженный канатом, который, по предписанию, должны были сопровождать вооруженные офицеры и солдаты. Обычно от Достоевского не требовали

ностью русский тип своей матери. Я видела ее портрет: ничто не выдает восточное происхождение. Сын же ее Павел, с которым я позднее познакомилась, был почти мулатом. У него была желтая кожа, черные, с блеском, волосы, он вращал глазами, как это делают негры, энергично жестикулировал, принимал неожиданные позы, был злым, глупым и бесстыдным, плохо мылся и от него скверно пахло. Ко времени второго замужества своей матери он был красивым маленьким мальчиком, живым и веселым, которого ласкал мой отец, чтобы доставить удовольствие Марии Дмитриевне. Достоевский не имел ни малейшего представления об африканском происхождении своей жены, которое тщательно скрывала; он узнал о нем гораздо позднее. Будучи женщиной хитрой, Мария Дмитриевна разыгрывала роль примерной супруги, она сумела объединить вокруг себя образованных людей Семипалатинска и создать своего рода литературный салон. Она выдавала себя за француженку, говорила по-французски, как на своем родном языке, много читала, была хорошо воспитана. Семипалатинское общество считало супругу Достоевского безупречной женщиной. Барон Врангель в своих мемуарах говорит о ней с большим уважением и находит ее очаровательной. Между тем она тайно под покровом темноты посещала своего красавца-учителя, последовавшего за ней в Семипалатинск, и обманывала таким образом свет и своего

белого

все друг друга в маленьком провинциальном городе; но красивый молодой человек был настолько незначителен, что мысль о том, что он может быть его соперником, никогда не приходила в голову Достоевскому. Он считал Марию Дмитриевну верной, всецело преданной ему женой. Однако у нее был неприятный характер, она была подвержена частым и ужасным вспышкам гнева. Мой отец приписывал их ее слабому здоровью (у Марии Дмитриевны были больные легкие) и прощал ей частые сцены, которые она сумела устраивала. Она была хорошей хозяйкой и умела создать в доме уют. После ужасов каторги Достоевскому его дом казался раем. Вопреки опасениям родных и знакомых, брак оказал на Достоевского благотворное влияние. Он поправился, повеселел и выглядел довольным. Фотография, сделанная в Семипалатинске, о которой я говорила в предыдущей главе, представляет нам человека, полного сил, жизни и энергии. Она не имеет ничего общего ни с портретом князя Мышкина в «Идиоте», ни с каторжником и пророком из поэмы Некрасова. Эпилепсия у отца, наконец, вполне проявилась и успокоила нервы. Хотя он тяжко страдал во время припадков, но сознание его прояснялось, он становился спокойнее, когда они проходили. Здоровый, ядреный и сухой воздух Сибири, военная служба, заменявшая ему физические упражнения, мирная жизнь маленького провинциального города — все это способствовало укреплению здоровья Достоевского. Как всегда, он был полностью поглощен своими романами. Он добросовестно выполнял свои воинские обязанности, но сердце его

не участвовало в этом. Отец только мечтал о том мгновении, когда будет освобожден и станет свободным и независимым писателем. За время пребывания в Семипалатинске Достоевский написал два произведения: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково». Герои этих новых романов уже не являются космополитами, как было до каторги. Они ничем не напоминают бледных петербуржцев, они живут в деревне или в маленьком провинциальном городе, вполне русские и очень жизненные. Когда читаешь первые опубликованные после каторги произведения, замечаешь, что Достоевский окончательно отказывается от ложного гоголевского жанра и возвращается к идеи «Двойника». В новых романах он описывает патологические типы: князя К., дегенерата, впавшего в детство, и авантюриста Фому Опискина, обладающего большой гипнотической силой. Оба эти романа комичны и ироничны, тогда как почти все написанные до каторги произведения мелодраматичны. Очевидно, Достоевский вступил в тот период жизни, когда человек не воспринимает больше бытие трагически, может относиться к нему с юмором, рассматривает его объективно и начинает понимать, что он не останется здесь, что эта жизнь является лишь эпизодом в длительной цепи бытия, которую должна пройти душа. Эта ирония усиливается по мере того, как растет талант Достоевского и он учится лучше понимать человека и жизнь. Она никогда не бывает злой или горькой, так как любовь к человечеству, восхищение проповедью христианского братства в Евангелии все растут в сердце Достоевского.

Отец получает разрешение опубликовать оба романа, но рукопись «Записок из Мертвого дома» он должен был хранить в своем портфеле. Он давно работал над этой вещью, знал ее цену, но не мог напечатать из-за цензуры, очень строгой в отношении всего, что касалось каторги. Достоевский теперь мог жить в любом сибирском городе, но не имел права жить в России. Он же только и мечтал о том времени, когда он сможет вернуться в Петербург, который, однако, ненавидел. Кочующие интеллигенты Литвы обладают одной особенностью: они не могут жить ни в деревне, ни в провинции; они должны находиться в том месте страны, в которой они поселились, где достигнут полный размах цивилизации. В Петербурге готовились великие реформы, которые должны были прославить царствование Александра II. Отцу хотелось присутствовать при этом вместе с другими русскими писателями. Он боялся, что, оставаясь в Сибири, не сможет понять новые идеи, волновавшие тогда нашу страну. Достоевский лихорадочно искал возможность получить разрешение вернуться в Петербург. Он писал многочисленные письма и обращался ко всем старым друзьям, пока, наконец, не нашел заступника. Закончилась осада Севастополя. Весь мир говорил о генерале

он знат в свое время по Инженерному училищу¹⁰⁶, и написал им, прося их похлопотать за него перед правительством, Тотлебены

очень хорошо помнили своего бывшего школьного товарища, никогда не казавшегося им таким странным, как его русские товарищи; Тотлебены были родом из Курляндии, и их предки могли не один раз встретиться с Достоевскими на берегах Немана. Они попросили своего прославленного брата предпринять шаги в пользу mostgo отца. Русское правительство не могло ни в чем отказать графу Тотлебену, которого весь мир называл «защитником Севастополя». Вскоре Достоевский получил разрешение на проживание в любом городе России, за исключением обеих столиц. Отец выбрал для постоянного проживания Тверь, город, расположенный на Волге и являющийся одной из станций на железнодорожной линии Петербург — Москва. С радостью он вышел в отставку, попрощался с полковыми товарищами и добрыми жителями Семипалатинска, так гостеприимно встретившими его, и отправился с женой и пасынком обратно в Россию. Для долгого путешествия Достоевский купил коляску, которую по прибытии в Тверь продал; так тогда путешествовали в нашей стране. Как счастлив был отец, когда ехал назад, свободный и независимый, той же дорогой, по которой десять лет назад он должен был следовать в сопровождении полицейских. Он увидит снова брата Михаила и вернется в литературный мир, к друзьям, с которыми сможет обменяться мнениями, интересующими его. Он представит своим родным любимую жену, которая тоже так его любит. В то время как Достоевский в своей коляске предавался этим мечтам, за ним на расстоянии одной почтовой станции в бричке ехал красавец-учитель, которого его жена всюду возила с собой, как собачонку. На каждой станции она оставляла ему написанные второпях любовные записки, сообщала ему, где они проведут ночь, приказывала ему задержаться на предыдущей станции, чтобы не обогнать ее¹⁰⁷. удовольствие получала эта белокожая негритянка, видя по-детски счастливое лицо своего бедного мужа-писателя.

Устроившись в Твери, Достоевский вскоре подружился с графом Барановым, губернатором Твери. Его жена, урожденная Васильчикова, была двоюродной сестрой графа Соллогуба, писателя, имевшего раньше литературный салон в Петербурге. Мой отец, в юности часто бывавший в этом салоне, после успеха «Бедных людей» был представлен Васильчиковой. Она никогда не могла его забыть и, узнав о приезде Достоевского в Тверь, поспешила возобновить отношения. Она часто приглашала его к себе и убеждала мужа позаботиться о Достоевском. Граф Баранов сделал все возможное, чтобы добиться позвания Достоевскому жить в Петербурге. Когда граф уезжал, спонсированник полиции князь Долгоруков¹⁰⁸ противился этому¹⁰⁹ моему отцу написать прямо императору. Подобно многим энтузиастам, отец тогда восторгался Александром II. Он написал по поводу его коронации стихотворение и возлагал большие надежды на его правление. Он написал императору простое и достойное письмо и просил его разрешить ему вновь поселиться

Петербург¹¹⁰. Это письмо очень понравилось Александру II, и он выполнил просьбу моего отца¹¹¹. Счастливый от одной мысли, что он сможет, наконец, вновь оказаться в литературном мире и так близко к брату Михаилу, Достоевский немедленно выезжает в Петербург в сопровождении жены и пасынка, которого определяет в кадетский корпус. Вскоре отцу разрешают опубликовать «Записки из Мертвого дома». Окончилось правление Николая I; света больше не боялись, к нему стремились. «Записки» имели огромный успех и обеспечили Достоевскому место в первом ряду русских писателей. С тех пор он всегда занимал это выдающееся положение; каждый новый роман только еще более упрочивал это. Счастье, казалось, улыбнулось моему отцу, но судьба готовила ему новое жестокое испытание.

Мария Дмитриевна плохо перенесла перемену климата. Влажный и гнилой воздух Петербурга способствовал развитию туберкулеза легких, который уже давно ей угрожал. Напуганная Мария Дмитриевна возвратилась в Тверь, где был более здоровый климат. Но было слишком поздно; болезнь развивалась, и через несколько месяцев Марию Дмитриевну сдава можно было узнать. Кашляющая и харкающая кровью женщина скоро стала вызывать отвращение у своего молодого любовника, до сих пор

сти. Во время одной из сцен, которые она постоянно устраивала своему мужу, она во всем призналась Достоевскому*, рассказав во всех подробностях историю своей любви к молодому учителю. С утонченной жестокостью она сообщила отцу, как они вместе веселились и насмехались над обманутым мужем, призналась, что никогда не любила его и вышла замуж только по расчету. «Женщина, хоть немного уважающая себя,— сказала эта бесстыжая моему отцу,— никогда не может полюбить человека, проведшего четыре года на каторге в обществе воров и убийц»¹¹².

Бедный отец! Сердце его разрывалось, когда он слушал безумную исповедь своей жены. Вот какова была эта любовь, великая любовь, в которую он столь наивно верил все эти годы! Эту мечту он считал любящей и преданной женой! Достоевского охватил ужас перед Марийей Дмитриевной. Он покинул ее бежал в Петербург¹¹³ и кал утешения у брата Михаила, у своих племянниц и племянников. Ему было теперь сорок лет, и его еще никто не любил. С грустью он повторял позорные слова Марии Дмитриевны: «Ни одна женщина не полюбит бывшего каторжника». Лишь дочь раба могла следовать этому принципу лакайской души; подобная мысль никогда не зародилась бы в великолепной европейской душе.

Но увы! Достоевский плохо знал женщин в тот период своей жизни. Мысль о том, что у него никогда не будет детей и домаш-

* Достоевский, занятый публикацией своего романа, остался в Петербурге, но часто приезжал в Тверь навестить свою жену¹¹⁴.

нега очага, делала его глубоко несчастным. Весь гнев обманутого мужа он изливает в позднее написанном романе «Вечный муж». Замечательно, что Достоевский изображает героя романа «Вечный муж» как существо презренное, уродливое, старое, вульгарное и смешное. Возможно, отец сам презирал себя за наивность, доверчивость, благодаря которым он не смог раньше раскрыть бесстыдную интригу и наказать вероломных любовников. Достоевский страдал и был близок к отчаянию; несмотря на это, он продолжал посыпать деньги Марии Дмитриевне, он окружил ее надежными слугами, писал ее сестрам в Москву, прося их навестить ее в Твери, позднее ездил сам туда несколько раз, чтобы убедиться, не нуждается ли в чем-нибудь его больная жена. Их брак был разорван, но чувство долга по отношению к той, которая носила его имя, всегда оставалось неизменным в литовском сердце Достоевского. Это, однако, не обезоруживало Марию Дмитриевну. Она ненавидела моего отца той неумолимой ненавистью, которая свойственна лишь негритянкам. Люди, ухаживавшие за ней, потом вспоминали, что она проводила долгие часы неподвижно в своем кресле в мучительных размышлениях. Потом внезапно поднималась и лихорадочно пробегала по комната姆, останавливалась перед портретом Достоевского, долго смотрела на него, грозила ему кулаком и кричала: «Каторжник, бесчестный каторжник!» Теперь она ненавидела также и своего первого мужа и с презрением говорила о нем. Она ненавидела и своего сына Павла и отказывалась от свидания с ним. Достоевскому приходилось отправлять пасынка в семью брата Михаила, чтобы он проводил там **каникулы**¹¹⁸.

вался Достоевский у студенчества, и заставила обратить на ее внимание молодую девушку Полину Н.¹¹ Она являла ее именно тот особый тип «вечной студентки», встречающийся только в России. Тогда в России еще не было высших женских курсов. Правительство разрешило женщинам временно посещать университет вместе с молодыми людьми.

Полина Н. приехала из русской провинции, где у нее были богатые родственники, посыпавшие ей достаточно денег для того, чтобы удобно жить в Петербурге. Регулярно каждую осень она записывалась студенткой в университет, но никогда не занималась и не сдавала экзамены. Однако она усердно ходила на лекции, флиртовала со студентами, ходила к ним домой, мешая им работать, подстрекала их к выступлениям, заставляла подписывать протесты, принимала участие во всех политических манифестациях, шагала во главе студентов, неся красное знамя, пела Марсельезу, ругала казаков и вела себя вызывающе, била лошадей полицейских, полицейские, в свою очередь, избивали ее, проводила ночь в арестантской, а когда возвращалась в университет, сту-

турных вечерах студенчества, танцевала с ними, аплодировала, разделяла все новые идеи, волновавшие молодежь. Тогда в моду вошла свободная любовь. Молодая и красивая Полина усердно следовала веянию времени, служа Венере, переходила от одного

лиль новую страсть студентов. Она вертелась вокруг Достоевского и всячески угождала ему. Достоевский не замечал этого. Тогда

поэтичным. Можно было предположить, что писала его робкая молодая девушка, ослепленная тением великого писателя. Достоевский, растроганный, читал письмо Полины. Это объяснение в любви он получил именно в тот момент, когда он больше всего в нем нуждался. Сердце его было разбито предательством жены; он презирал себя, как обманутого и осмеянного мужа. И вдруг свежая и красивая молодая девушка предлагает ему свою любовь. Итак, его жена все же заблуждалась! Его можно было полюбить, его, побывавшего на каторге в обществе воров и убийц. Достоевский с жадностью ухватился за то утешение, которое ему было послано судьбой. О легких правах Полины он не имел ни малейшего представления. Отец наблюдал жизнь студентов только с кафедры, на которой выступал с чтением своих произведений. Студенты, окружавшие его, представляли собой полную почтения толпу, которой он говорил о Боге, отечество и цивилизации. Мысль о том, чтобы знаменитого писателя, почитаемого всем миром, посвятить в проблемы аморального поведения молодых людей, не могла прийти им в голову. Когда позднее они заметили любовь Достоевского к Полине Н., естественно, они не

решились разъяснить ему, что она из себя представляет. Отец считал Полину юной провинциалкой, одурманенной утиркованными идеями эмансипации, каких много было тогда в России. Он знал, что врачи отказались от Марии Дмитриевны и что через несколько месяцев он сможет жениться на Полине. У него не было сил ждать и отказываться от этой молодой любви, отдававшей ему себя свободно и без оглядки на общество и условности. Достоевскому было сорок лет, и его еще никогда не любили...

Влюбленные решили провести медовый месяц за границей. Уже давно мечтал Достоевский о путешествии в Европу. Иван Карамазов, прототип Достоевского, когда ему было двадцать лет, тоже мечтал путешествовать по Европе. Европа казалась ему лишь огромным кладбищем, но он хотел благовейно преклонить колени перед могилами великих покойников. Теперь, когда, наконец, у Достоевского есть деньги, он спешит осуществить давнюю лелеемую мечту. День отъезда приближался; в последний момент дела, связанные с журналом «Время», задержали его в Петербурге. В период участившихся ~~протестов~~ ^{драк}, которым был подвержен мой дядя Михаил¹²¹, был вынужден один вести все дела журнала. Полина уехала одна и хотела встретиться с ним в Париже. Спустя две недели Достоевский получил письмо, в котором Полина уведомляла его: ~~Ж~~ любит француза¹²², с которым познакомилась в Париже. Между нами конечно,— писала она отцу.— Ты сам виноват. Зачем ты оставлял меня так долго одну». Достоевский прочитал письмо и, как

Когда позднее он вернулся на берега Рейна, он привнес свои извинения кельнскому собору, что не заметил его красоты. Полина приняла его холодно, заявила, что нашла, наконец, свой идеал мужчины и не собирается возвращаться в Россию, ее французский возлюбленный страстно ее любит, и она очень счастлива. Мой отец всегда уважал чужую свободу и не делал разницы в этом отношении между мужчиной и женщиной. Полина не была его женой, не давала клятвы; она отдалась добровольно и была, таким образом, вольна взять назад свое расположение. Мой отец подчинился ее воле и не пытался больше ни говорить с ней, ни видеть ее. Видя, что в Париже ему больше нечего делать, До-

к Толстому в Ясную Поляну. Отец мой был далек от того, чтобы разделить революционные идеи Герцена; но этот человек интересовал его, и он воспользовался возможностью с ним познакомиться. Лондон показался Достоевскому гораздо интереснее Парижа. Он остался там надолго, основательно его изучил, восторгался красотой молодых англичанок и утверждал впоследствии в своих путевых заметках, что они являются собой совершеннейший тип женской красоты. Это пристрастие Достоевского

х англичанкам очень характерно. Русские, путешествующие по Европе, интересуются особенно француженками, итальянками, испанками и венгерками. Англичанки большей частью оставляют их холодными; мои соотечественники находят их «слишком тщими». Вкус Достоевского, очевидно, был в меньшей степени восточным, и красота молодых англичанок заставляла звучать нормандскую страну его литовского сердца*.

Наконец мой отец вернулся в Париж и, услышав, что его

Страхов тоже
в Женеве 125

письме есть удивительные строки: «... Пройдемся по Риму, чего добrego приласкаем молодую венецианку в гондоле»¹²⁶. ные высказывания почти не встречаются в письмах моего отца. Вероятно, Достоевскому тогда необходимо было любовное переживание с какой-нибудь женщиной, чтобы реабилитировать себя в собственных глазах и доказать самому себе, что его тоже можно любить. Но «молодая венецианка в гондоле» не встретилась друзьям во время их путешествия, и сердце Достоевского принадлежало Полине. Однако он отказался сопровождать Страхова в Париж, где мог бы встретиться с ней, и вернулся один в Россию. Впечатления от этого первого путешествия он описал в журнале «Время».

Весной Полина написала ему из Парижа и сообщила о неудачном окончании ее романа. Французский возлюбленный обманул ее, но у нее не хватало сил покинуть его, и она заклинила отца приехать к ней в Париж. Так как Достоевский медил с приездом, Полина грозилась покончить с собой, — излюбленная угроза русских женщин. Напуганный отец, наконец, поехал во Францию, сделал все возможное, чтобы образумить безутешную красавицу. Но так как Полина нашла Достоевского слишком холодным, то прибегла к крайним средствам. В один прекрасный день она явилась к моему отцу в 7 часов утра, разбудила его и, вытащив огромный, совершенно новый нож, только что купленный, заявила, что ее возлюбленный француз — подлец, она хочет его наказать, вонзив ему этот нож в глотку; она сейчас направляется к нему, но сначала хотела еще раз увидеть моего отца, чтобы сообщить ему заранее о преступлении, которое она намерена совершить. Я не знаю, позволил ли отец себя одурачить этой вульгарной комедией, во всяком случае он посоветовал Полине оставить свой большой нож в Париже и сопровождать его в Германию. Полина согласилась; это было именно то, чего она хотела. Они отправились на берега Рейна и поселились в Бисбадене. Отец мой играл там страстно в ruletku, был счастлив, когда выигрывал; но отчаяние, которое он испытывал при про-

игрыше, было не менее велико*. Потом они вместе поехали в Италию, которая произвела чарующее впечатление на моего отца, были в Неаполе и Риме. Полина кокетничала со всеми мужчинами, встречавшимися на ее пути, и доставляла своему возлюбленному много хлопот. Впоследствии отец описал это удивительное путешествие в романе «Игрок». Он изменил место действия, но героиню зовут Полина.

Думая об этом периоде жизни Достоевского, с удивлением спрашивашь себя, как мог человек, живший в двадцать лет воздержанием, как святой, в сорок лет совершать подобные безумства. Это нельзя объяснить ничем иным как аномалией его физического развития. В двадцать лет мой отец был робким школьником; в сорок он пережил тот юношеский угар, который переживают почти все мужчины. «Кто не безумствовал в двадцать лет, тот совершает безумства в сорок», — гласит мудрая пословица и доказывает таким образом, что подобные своеобразные возрастные сдвиги не так редки, как думают. В этом событии в жизни Достоевского сказалось возмущение благородного человека, желание супруга, оставшегося верным жене, тогда как она издевалась над ним со своим любовником. Мой отец хотел доказать себе, что и он может обманывать свою жену, вести легкую жизнь других мужчин, играть в любовь и развлекаться с красивыми девушками. Есть некоторые данные, которые позволяют это предположить. Очень странно, например, что Достоевский в романе «Игрок» изображает себя в образе домашнего учителя. Как я упоминала ранее, Мария Дмитриевна обманывала отца с домашним учителем. Отвергнутый молодой девушкой, которую он любит, этот учитель идет прямо к распутной женщине, которую презирает, и едет с ней в Париж, чтобы отомстить той девушке, которую продолжает любить. Но помимо мести обманутого мужа есть в этом романе Достоевского и истинная страсть. Герой в «Игроке» говорит о Полине следующее: «Бывают минуты, когда я отдал бы полжизни, чтобы задушить ее. Клянусь, если бы возможно было медленно погрузить в ее грудь острый нож, то я, мне кажется, схватился бы за него с наслаждением. А между тем, клянусь всем, что есть святого, если бы, на Шлангенберге, на модном пунте, она действительно сказала мне: «бросьтесь вниз», то я бы тотчас же бросился и даже с наслаждением».

Хотя Достоевский хотел отомстить Марии Дмитриевне, вступив в связь с Полиной, он предпринял все меры предосторожности, чтобы его больная жена ничего об этом не узнала. Он должен был реабилитировать себя в своих собственных глазах, но у него не было намерения причинять боль несчастной чахоточной.

* Достоевский удивительно предсказал будущее Англии: он утверждал, что англичане скоро покинут свой остров. «Если наши сыновья не увидят выхода англичан из Европы, то кто увидят наши внуки», — говорил он.

Меры предосторожности, предпринятые им, были настолько надежны, что только родные и некоторые близкие друзья знали об этой любовной истории. Этот эпизод в его жизни делает понятным характер своеенравных и авантюристических героинь его романов. Аглай в «Идиоте», Лиза в «Бесах», Грушенька в «Карамазовых» и многие другие являются более или менее портретами Полины Н. Этот эпизод в жизни моего отца, как мне кажется, объясняет странную, пренеподненнную ненависти любовь Рогожина к Настасье Филипповне.

Осенью Достоевский вернулся в Петербург и узнал, что болезнь его жены перешла в последнюю свою стадию. Охваченный состраданием к несчастной*, отец забыл свою ненависть, немедленно отправился в Тверь и уговорил умирающую схать с ним в Москву, где она сможет лечиться у хороших врачей. Агония Марии Дмитриевны длилась всю зиму. Мой отец не отходил от нее и обеспечил тщательный уход за ней. Он редко выходил из дома, так как всецело был поглощен своим романом «Раскольников»¹²⁷, над которым тогда работал. Когда, наконец, весной Мария Дмитриевна умерла, Достоевский написал несколько писем своим друзьям, в которых сообщал о ее смерти и отзывался об умершей с уважением. Он признавался, что не был с ней счастлив, но утверждал, что жена любила его, несмотря на размолвки. Честь имени всегда была священна для Достоевского и вынуждала его скрывать от друзей неверность Марии Дмитриевны. Только родные знали печальную историю. Отец должен был скрывать истину и ради пасынка Павла, которого он воспитывал в духе уважения к его умершим родителям. Я помню, как однажды за обеденным столом Павел Исаев презрительно заговорил о своем отце, утверждая, что тот был «тряпкой» в руках жены. Мой отец рассердился, высказался в защиту памяти капитана Исаева и запретил пасынку говорить когда-либо в подобном тоне о своих родителях.

Как я уже упоминала раньше, у моего отца было намерение после смерти жены жениться на Полине. Но со временем их совместного путешествия в Европу мнение его о своей возлюбленной очень изменилось. Полина, впрочем, не придавала этому замужеству значения, гораздо больше ей, как красивой девушке, хотелось сохранить полную свободу. Не отец мой ей нравился, а его литературная слава и особенно успех его у студентов. Как только Достоевский вышел из моды, Полина поспешила его оставить. Отец тогда начинал печатать «Раскольникова». Как всегда, уже с первых глав критики обрушились на эту вещь и взапускиругали его. Один объявил публике, что Достоевский в лице Рас-

* Во время связи с Полиной Достоевский не переставал заботиться о большой жене. Путешествуя с Полиной по Италии, он часто пишет брату Михаилу, просит выслать Марии Дмитриевне деньги, причитающиеся ему за статьи во «Времена».

кольникова* оскорбляет студентов. Эта глупость, как впрочем все глупости, пользовалась громадным успехом в Петербурге. Студенты, только что восхищавшиеся Достоевским, как один, отвернулись от него. Когда Полина увидела, что отец мой вышел из моды, она перестала им интересоваться. Она заявила Достоевскому, что не может простить ему преступления против русских студентов, этой святыни в ее глазах, и порвала с ним. Отец не пытался ее удерживать; у него давно уже не осталось иллюзий в отношении этого легкомысленного создания¹²⁸.

* В своем знаменитом романе Достоевский обнаружил поразительную дальновидность. За несколько дней до публикации первой главы «Раскольникова» в Москве было совершено преступление, абсолютно идентичное преступлению героя. Студент убил ростовщика, веря, «что все позволено». Друзья отца были очень удивлены этим совпадением, критики же не придали этому значения. И все же дальновидность Достоевского должна была заставить их понять, что, будучи далек от желания оскорбить студентов, он вынужден те разрушения, которые производили в их незрелом мозгу анархические утопии, которыми завоевывала нас Европа.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДРУЖБА

Полиной Н. завершился период эротической страсти в жизни Достоевского, длившийся в общей сложности только около десяти лет, с 33-х до 43-летнего возраста. Африканская любовь Марии Дмитриевны и в некотором роде восточная страсть Полины Н. не оставили у моего отца приятных воспоминаний. Когда ему уже за сорок, он возвращается к литовскому идеалу своих предков. Он ищет целомудренную и чистую молодую девушку, добродетельную супругу и верную спутницу в жизни. В обеих следующих любовных историях затронуто сердце, а не чувственность. Обратимся сначала к первой.

В то время в отдаленной части Литвы жил богатый помещик Корвии-Круковский, принадлежавший к литовскому дворянству и ведущий свое происхождение якобы от Корвина, мифического короля языческой Литвы. Он был женат и имел двух дочерей, которым дал хорошее образование. Младшая, Соня, вследствие вышла замуж за Ковалевского и стала профессором математики в Стокгольмском университете, она была первой женщиной, удостоенной этого звания. В то время, о котором я говорю, Соне было четырнадцать лет, и в жизни Достоевского она не игра-

Старшая, Анна, красивая девушка 19 лет¹²⁹, литератором. Она была большой почитательницей моего отца и знала все его произведения. Роман «Раскольников» произвел на нее глубокое впечатление. Она написала Достоевскому длинное письмо, очень ему понравившееся. Он сразу же ответил Анне Круковской. Завязалась переписка, длившаяся несколько месяцев. Анна умоляла своего отца взять ее с собой в Петербург, чтобы она могла познакомиться со своим любимым писателем. Вся семья приехала в столицу и поселилась в меблированной квартире; поспешили пригласить моего отца и были с ним очень любезны, Достоевский стал часто бывать в этом гостепримном доме и, наконец, попросил руки Анны Круковской. Он был вдовцом и страдал от одиночества. Мария Дмитриевна приучила его к домашнему очагу, к уюту, который создает в доме только присутствие женщины. Он тосковал по детям и с ужасом сознавал, что молодость его прошла. Достоевский не был влюблен в Анну, но ому нравилась молодая, хорошо воспитанная, веселая, остроумная и приветливая девушка. Ее литовская семья дала согласие. Круковская также не любила моего отца, но с большим восхищением относилась к его таланту. Она с радостью согласилась

стать его женой; но их помолвка была кратковременной. Они расходились в своих политических взглядах. Достоевский все более и более становился монархистом и патриотом России, Анна Круковская придерживалась космополитических взглядов и была явной анархисткой. Пока они говорили о литературе, все шло хорошо; но как только речь заходила о политике, они начинали спорить и ссориться. В России часто можно наблюдать подобное, ибо искусство спокойного политического дискутирования еще не усвоено нами. Помолвленные своевременно заметили, что ~~избрал~~ стал бы адом, и отказались от него¹³⁰. Труднее было

от дружбы. Вернувшись к себе в имение, Анна продолжала писать моему отцу, и, как и прежде, он отвечал ей. На следующую зиму семейство Круковских снова приехало в Петербург, и Достоевский бывал у них так же часто, как и прошлой зимой. Любовь отца к Круковской была, в сущности, лишь литературной дружбой, в которой писатели так же нуждаются, как и в любви. Когда Достоевский был помолвлен с моей матерью, Анна Круковская была первой, кто тепло поздравил его. Вскоре после второй женитьбы моего отца Анна с родителями уехала за границу и встретилась в Швейцарии с французом, господином Ж., настороженным так же анархически, как и она¹³¹. Они пережили восхитительные минуты, разрушая вместе Вселенную и воссоздавая ее на гармонических основах, и получили такое удовольствие от этого занятия, что в один прекрасный день поженились. Вскоре им представился повод на деле применить их анархические идеи. Началась война между Францией и Германией, Париж был осажден, власть была в руках Коммуны. Оба Ж. приняли в ней деятельное участие. После того как госпожа Ж. подожгла ценное собрание произведений искусства, которое, по-видимому, должно было быть уничтожено на благо человечеству, она бежала из Парижа. Муж ее был арестован и помещен в тюрьму. Видя отчаяние дочери, богоотворившей своего мужа, старик Корвии-Круковский продал часть своих земель, поехал в Париж и организовал побег своего сына, уплатив за это сто тысяч франков¹³². Анна Ж. не могла вернуться во Францию. Они обосновались в Петербурге, и госпожа Ж., как и прежде, поддерживала дружеские отношения с моим отцом. Ради своей прежней невесты Достоевский сердечно принял и ее супруга-коммуниста, хотя у них не было ничего общего. Госпожа Ж., в свою очередь, подружилась с моей матерью; ее единственный сын Жорж Ж. был товарищем моих детских игр.

Я думаю, что отец вывел Круковскую в образе Кати, невесты Дмитрия Карамазова. Катя — не русская, она истинно литовская девушка, гордая и целомудренная; преисполненная высокого сознания семейной чести, она жертвует собой, чтобы спасти честь своего отца, она верна своему слову невесты и своей миссии спасти Дмитрия Карамазова, помогая ему преодолеть свои пороки. Русские девушки гораздо примитивнее. Восточная страсть или славянское чувство сострадания преобладают у них над всеми прочими соображениями.

когда моя родители вернулись из-за границы, он постарался возобновить дружеские отношения и заинтересовать моего отца будущим своих многочисленных детей. Достоевский согласился принять племянницу, но вернуть ей свою любовь он не смог, ибо она угласа¹³⁵.

Другая моя кузина еще больше ранила сердце Достоевского. Она влюбилась в довольно известного ученого, от которого ушла жена, не дав ему развода, хотя и любила другого, чтобы обманутый муж не мог воспользоваться свободой. В России в те времена трудно было развестись. Без взаимного согласия развод был почти невозможен. Моя кузина пренебрегла общественным мнением и стала любовницей или, как тогда говорили, «гражданской женой» ученого, не имевшего права жениться на ней. Она прожила с ним до его смерти, свыше двадцати лет, и все друзья ученого относились к ней, как к его законной жене. Несмотря, на нравственную чистоту этой связи, отец мой никогда не смог простить племянницу. Это случилось через несколько лет после свадьбы моих родителей, и моя мать позднее рассказывала мне, что Достоевский рыдал, как ребенок, узнав о «позоре» своей племянницы. «Как она могла осмелиться опорочить честное имя Достоевских?» — повторял, горько плакая, мой отец. Он запретил моей матери поддерживать какие бы то ни было отношения с виновной; я никогда не знала эту кузину¹³⁶.

Понятно теперь, что мой отец не мог чувствовать себя счастливым в семье брата Михаила, не способной его понять. Достоевский принадлежал к тем редким в каноне время мужчинам, которые умирают от отчаяния, если их сыновья совершают дурной поступок или их дочери сбиваются с пути. Чувство чести у него преобладало над всеми другими чувствами. Он все еще жил рыцарскими представлениями своих предков, тогда как его племянники и племянницы забыли о европейской культуре своей литовской семьи и предпочли ей легкие нравы полувосточного русского общества. К тому же они унаследовали от своей матери немецкую черствость души, которую часто можно встретить среди немцев балтийских провинций.

Не только о племянниках и племянницах, но и о своем брате Николае, несчастном пьянице, целиком оказавшемся на его понечении после смерти дяди Михаила, должен был заботиться мой отец. Достоевский очень сочувствовал ему и всегда хорошо к нему относился. Но он никогда не любил младшего брата так сильно, как старшего. Дядя Николай был слишком незначительным человеком; бедняга думал лишь о своей бутылке. Достоевский помогал также моей тетке Александре, единственной из всех трех сестер жившей в Петербурге, муж которой был болен и не мог работать. Она не испытывала никакой благодарности за его великодушную помощь и постоянно скорилась со своим братом. Семья Достоевских вела себя очень странно: вместо того чтобы гордиться тем, что их брат — гений, они в гораздо большей степени ненавидели его за его превосходство. Только дядя Андрей гордился

литературным талантом старшего брата; но жил он в провинции и редко бывал в Петербурге.

Несмотря на столь недружелюбное отношение родных, Достоевский все же прощал им многое в память о матери, о детских и юношеских годах. Гораздо тяжелее было ему переносить злобность и скверный характер своего пасынка, Павла Исаева, с которым его не связывали кровные узы. Ленивый и глупый, Паша, как его обычно звали, ничего не хотел делать в кадетском корпусе, где он имел право учиться как сын офицера и куда его определил Достоевский, и начальство корпуса, в конце концов, вынуждено было его исключить. Этот на одну четверть мамлюк стал жертвой литературной славы его отчима; он был ослеплен успехом романов Достоевского. Несколько простым и скромным оставался мой отец, настолько же чванился и высокомерно вел себя его пасынок. Он всех презирал, беспрестанно говорил о своем «папе», знаменитом писателе Достоевском, что не мешало ему нагло вести себя с отчимом. Он считал, что теперь ему не надо будет учиться и работать. Его «папа» должен был давать ему деньги, и он не стыдился требовать их от него. Достоевский не любил этого мулата, обладавшего талантом задевать его европейскую деликатность; но отец не мог забыть обещание, данное когда-то Марии Дмитриевне, взять на себя заботу о ее осиротевшем ребенке. Теперь Достоевский раскаивался, что так плохо воспитал пасынка. «Другой отчим был бы строже и сделал бы из Паши человека, полезного своему отечеству», — говорил он печально друзьям и оставил этого бездельника у себя, как кару небесную за плохо исполненный долг.

Когда петербургские родственники уж очень выводили Достоевского из себя, он уезжал в Москву, чтобы отдохнуть в семье сестры Веры, вышедшей замуж за москвича и имевшей много детей. Его московские племянники и племянницы были проще и не имели такого самомнения, как онемеченные дети Михаила Достоевского. Они оказались неспособны понять значение своего пляшушки, но очень его любили за веселый нрав и молодость души. Достоевский вывел эту семью в романе «Вечный муж» под именем Захлебинина. Сам же он выступает в роли Вельчинова, мужчины 40 лет, любящего молодежь и с удовольствием принимающего участие во всевозможных развлечениях молодых людей и девушек, танцующего и поющим с ними. Особенно интересовали Достоевского его молоденькие племянницы. Старшая, Мария, была любимой ученицей Николая Рубинштейна, директора Московской консерватории. «Если бы при ее пальцах у нее была еще хорошая голова, то она могла бы сделаться большой музыкантшей», — говорил часто Рубинштейн, когда разговор заходил о моей кузине. «Головы»-то, по-видимому, у нее не было, ибо Мария никогда не стала знаменитой; но она хорошо играла, и отец мой без устали мог слушать ее блестящую игру. Еще больший интерес вызывала у Достоевского его племянница Софья, интеллигентная и серьезная девушка. Я не знаю, почему он считал, что

мание русских читателей или правительства страны на то ужасное положение, в котором находился этот гениальный человек, указать на ту пропасть, у которой он стоял и которая грозила погубить его великолепный талант. Дух предков-норманнов, живший в матери, не вынес вида того состояния беспомощности, в котором находился великий русский. Те благочестивые англичане, которые скорее покинут свою страну, чем переменят религию, те ученые шведы, прибавлявшие латинское окончание к своим именам, чтобы выказать свое уважение к науке, строго говорили моей матери: «Если ты вынуждена жить в еще молодой и невежественной стране, не способной понять, что талант ее гражданина принадлежит всей стране, что все извлекают или извлекут когда-нибудь из него пользу и что, следовательно, все должны его запинать; если твои соотечественники еще не понимают эту истину, которая ведь так проста, то мы доверяем тебе, нашему потомку, защиту этого великого человека». Предки, которым мудрые римляне воздвигли алтари в своих домах, играют в нашей жизни гораздо более важную роль, чем мы обычно думаем. Они защищают своих потомков, ревниво следят за их первыми шагами и руководят ими в период их молодости. По мере развития личности предки постепенно отходят на задний план, чтобы возвращаться все же в важные моменты, когда их потомки колеблются в выборе пути. Послушная властному приказу своих европейских предков, моя мать приняла решение защитить Достоевского, разделить с ним тяжелую ношу, которую он вззвалил себе на плечи, спасти его от бессовестной родни, помочь ему в работе и утешать в горе. Мать, естественно, не могла влюбиться в этого человека, бывшего старше ее на двадцать пять лет. Но она поняла красоту души Достоевского, как когда-то ее отец понял чистую душу Асенковой, и склонилась перед ней. Восхищение ее своим супругом было подобно тому, которое внушал моему деду талант молодой tragedийной актрисы. Он считал Асенкову величайшей актрисой нашего столетия и оставался верен ей всю жизнь. Так же и моя мать никогда не допускала и мысли о том, чтобы не только в России, но и во всем мире был какой-нибудь писатель, равный Достоевскому. Восхищение это, столь схожее у этих двух людей, во многом шло от такой редкой в России греческой любви к искусству, унаследованной, вероятно, украинцами из числа греческих колонистов, поселившихся некогда на берегу Черного моря. Но мать была украинкой только наполовину (мои украинские предки, оседая в Петербурге, женились на русских). Поэтому ей не было чуждым русское сострадание. Она почувствовала его, это прекрасное, христианское сострадание нашего народа, увидев гениального человека, бывшего таким хорошим, таким доверчивым, никогда не думающим о себе и всегда готового отдать другим все, что у него было. Будучи молодой и полной сил, моя мать захотела защитить знаменитого писателя, искашившего гибели. Его долги, его многочисленные обязательства испугали бы робкую девушку, но норманская кровь моей матери, на-

против, жаждала борьбы; она была готова объявить войну каждому.

Будь на месте матери молодая русская девушка, она витала бы в облаках, придумывала бы тысячу гернических ситуаций, когда она могла бы отдать свою жизнь за Достоевского. Шведки редко теряют почву под ногами. Вместо пустых мечтаний, мать сразу же взялась за дело и начала с того, что спасла отца из когтей его издателя. Она уговорила Достоевского продлить стенографические сеансы, — ночи напролет переписывала то, что он диктовал ей днем, и добилась того, что «Игрок» был готов к назначенному Стелловским сроку, так что тот, до некоторой степени озадаченный, понял, что его намерение поймать mosto отца в хитро расставленную западню сорвалось. Моему отцу было совершенно ясно, что без помощи своей юной стенографистки он никогда не смог бы так быстро написать свой роман, и он был си глубоко благодарен за горячую заинтересованность в его делах. Он не мог теперь расстаться с ней и предложил работать вместе над еще не написанной последней главой «Раскольникова». Мать с радостью согласилась. Чтобы отпраздновать счастливое окончание их первой работы, она пригласила mosto отца на чай и представила своей матери. Бабушка, читавшая в сердце дочери, как враскрытою книге, и давно уже предвидевшая, как окончатся эти стенографические свидания, приняла Достоевского, как будущего зятя. Достоевскому очень понравилась эта шведская среда, пересаженная на русскую почву; она могла напомнить ему Литву, перенесенную его отцом в центр Москвы, в которой он провел свое детство. Достоевский увидел, в какой строгой обстановке была воспитана его маленькая стенографистка и как сильно она отличалась от молодых девушек того времени, которые под предлогом свободы вели жизнь проституток. Достоевский захотел жениться на своей юной стенографистке, хотя и он не был в нее влюблен. Как большинство мужчин — уроженцев Севера, он был скорее холодной натурой; чтобы воспламенить в нем страсть, нужны были африканское коварство Марии Дмитриевны или бесстыдство Полины. Хорошо воспитанная молодая девушка, скромная и никогда не выходящая за рамки невинного кокетства, естественно, не могла сильно затронуть его чувственность. Однако Достоевский рассудил, что эта воспитанная в строгих правилах молодая девушка будет отличной матерью семейства, и это было как раз то, что мой отец так долго искал. В нем говорил также голос крови: в жилах ее, дочери шведки и украинца, текла такая же смешанная норманско-славянская кровь, как и у моего отца. И все же он медлил с предложением. Мать казалась Достоевскому очень молодой. Ей было приблизительно столько же лет, как и Аниe Круковской, но она была гораздо менее уверена в себе, чем юная анархистка. Политические, нравственные и религиозные взгляды Корвин-Круковской уже четко определились. Она строго критиковала вселенную, плохо задуманную Богом и также плохо созданную, и намеревалась до некоторой степени исправить

ошибки творца. Моя мать склонилась перед Богом и не нашла в его творении никаких изъянов. Ее взгляды на жизнь были еще очень неопределенны; ею руководил в большей мере инстинкт, а не размышление. Разговаривая с Достоевским, она смеялась и говорила, как ребенок, которым и была еще. Мой отец улыбался, слушая ее, и, может быть, иногда в страхе спрашивал себя: «Что я буду делать с этим маленьким ребенком?» Ему казалось, что эта молодая девушка, еще год назад носившая школьный перелник, не созрела для брака. Может быть, Достоевский колебался бы и дальше, если бы пророческий сон не заставил его решиться. Отцу пришлоось, что он потерял какой-то важный предмет; он повсюду искал его, в нетерпении перерывал все шкафы, бросил все ненужные вещи, мешавшие ему в его комнате, на пол. Вдруг он заметил в глубине одного ящика бриллиант, очень маленький бриллиант, сиявший так ярко, так ярко, что освещал всю комнату. Отец с удивлением его рассматривал: как могла попасть в ящик эта драгоценность? Кто положил ее туда? И внезапно, как бывает во сне, мой отец понял, что этот маленький бриллиант, так ярко сверкающий, — это маленькая стенографистка. Он проснулся очень взволнованный, очень счастливый: «Я сегодня же должен сделать ей предложение», — сказал себе Достоевский. Он никогда не жалел о принятом решении. Как когда-то бедная Асенкова о моем дедушке, так и он мог сказать о своей жене: «Я чувствую себя так хорошо, опираясь на ее руку..»

Обручившись с моей матерью, Достоевский посыпал ее каждый день, но не спешил ставить в известность о предстоящей женитьбе своих родных. Он слишком хорошо знал, как примет это известие его семья. Первым узнал тайну его пасынок; он был виноват, обнаружив «предательство» своего отчима. Этот квартеронен-мамелюк так хорошо устроил свою жизнь! Отним должен был работать, он хотел развлекаться; потом он унаследовал бы произведения Достоевского и жил бы на доходы от их издания. И вот молодая девушка, которую Достоевский едва знал, расстроила его прекрасные планы на будущее! Паша Исаев был крайне возмущен. Он надел очки, что делал всегда, когда собирался заняться чем-то важным, и объявил отчиму, что он должен с ним серьезно поговорить. Он предостерег Достоевского от роковых страстей «стариковского возраста» (отцу было тогда 45 лет), расписал все зло, которое сулит ему брак с молодой девушкой, и упомянул строгим тоном о его обязанностях отчима. «Я тоже намерен жениться когда-нибудь, — сказал он ему, — вероятно, у меня будут дети; Ваша обязанность работать для них». Отец рассердился и указал глупцу на дверь. Так кончались чаще всего стычки между отчимом и пасынком.

Павел Исаев поспешил предупредить семью моего отца об опасности, угрожающей благополучию приживальщиков. Племянники и племянницы Достоевского страшно испугались; они тоже надеялись, что всегда смогут жить за счет своего дяди, также и они считали себя его наследниками. Невестка Достоевского,

в свою очередь, пожелала иметь с ним серьезный разговор. «Почему Вы хотите опять жениться? — спросила она его сердито. — От первого брака у Вас не было детей, хотя Вы были еще молоды; как же Вы можете надеяться на это теперь в Вашем возрасте?» Женитьба на девятнадцатилетней казалась родственникам моего отца пошлостью, почти безнравственностью. Его друзья-писатели тоже до некоторой степени были удивлены. Они не понимали, как мог Достоевский, женящийся в 33 года на женщине одного с ним возраста, возможно даже старше его, интересоваться теперь, когда ему за сорок, совсем молоденькими девушками, Полина Н., Анна Круковская и моя мать были почти одного возраста, когда к ним сватался Достоевский. Я думаю, что это можно объяснить изменой Марии Дмитриевны, оставившей глубокий и неизгладимый след в душе моего отца¹⁵². Достоевский теперь не доверял женщинам известного возраста. Он верил еще только невинности юного сердца, еще чистой душе, которую умный мужчина может развить согласно желаниям собственного сердца. (Герой «Вечного мужа» после смерти жены, обманувшей его, тоже проявляет интерес только к совсем юным девушкам). Женившись на моей матери, Достоевский очень заботился о ее нравственном воспитании. Он следил за тем, что она читает, запретил чтение эротических книг, водил ее в музеи, показывал прекрасные полотна, знаменитые произведения скульптуры и пытался пробудить в ее юной душе любовь ко всему великому, чистому и благородному.

Безусловная верность его жены была наградой ему и при жизни, и после смерти. Возможно, норманнские предки матери сыграли свою роль в этой верности.

У Достоевского, как у большинства литовцев, было чистое и целомудренное сердце. «Литовец презирает бесстыдство и распутство, — говорит Видунас. — В его народных песнях нет непристойностей и в Литве не увидишь на заборах и стенах порнографических карикатур, столь частых в других странах». Когда Достоевский был в Париже, он ходил в кафе и смотрел на танцы в увеселительных заведениях на Елисейских полях. Двусмысленные песни, которые он там слушал, и эротические танцы, которые наблюдал, вызывали у него глубокое негодование, и он с отвращением говорил об этом своим русским друзьям. Вероятно, по этой причине отец, путешествуя позднее со своей молодой женой по Германии, Швейцарии, Италии и Австрии, отказался везти ее во Францию. Но отвращение, испытываемое Достоевским к жизни парижан, ни в коем случае не повлияло на его восхищение французской литературой. Он был одним из немногих путешественников, понимающих разницу между Францией трудящейся и Францией развлекающейся.

обвинили его во лжи. Во всей огромной России Толстой любит и понимает только своих мужиков, но увы! Эти мужики не любят и не понимают его. Тогда как наши интеллигенты спешат в Ясную Поляну, чтобы спросить совета у пророка, мужики в поместье с недоверием относятся к нему и его религии. Они обладают инстинктом принадлежности к великому народу, который, может быть, говорит им, что милый, старый бог из Ясной Поляны является всего лишь скверной немецкой халтурой, которая им не нужна.

Знаменитое «толстовство» очень напоминает различные немецкие секты, с давних пор существующие в России. Как только в нашей стране поселились немецкие колонисты, они сразу же начали бороться с православной церковью, которую не могли понять. Они образовали религиозные секты, дух которых был протестантским, пытались распространять свои идеи среди крестьян и вербовать приверженцев. Наиболее известны из этих сект штундисты, духовники и молокане. Как истинный немецкий колонист, Толстой также создал протестантскую секту толстовцев и на протяжении всей своей жизни боролся с нашей церковью. Мои соотечественники были достаточно наивны, считая его религиозные идеи русскими идеями, но иностранцы оказались проницательнее. Изучая Россию, некоторые французы или англичане с удивлением замечали, что между взглядами Толстого и вероучением некоторых немецких сект в России имеется сходство. Неосведомленность моих соотечественников, вероятно, объясняется тем, что в России никто не обращал особого внимания на немецкие корни семьи Толстого. Мы хотим надеяться, что найдется, наконец, биограф пророка из Ясной Поляны, который подойдет к нему с этой точки зрения, только тогда мы узнаем настоящего Толстого.

ДОСТОЕВСКИЙ КАК СЛАВЯНОФИЛ

«Дневник писателя» имел огромный успех, и все же два года спустя отец прекратил его печатание и начал писать «Братьев Карамазовых». Искусство позвало его и напомнило ему, что он писатель, а не публицист. Роман «Братья Карамазовы», считающийся многими критиками моего отца лучшим его произведением, относится к числу тех сочинений, которые писатель вынашивает в своем сердце, обдумывает долгие годы, откладывает на более позднее время, когда его искусство окончательно созреет. Я едва ли поверю, что отец считал тогда, что достиг этой зрелости; он был слишком строгим судьей для этого. Но инстинкт предостерегал его, что жить ему осталось недолго. «Это будет мой последний роман», — сказал он друзьям, сообщая им о том, что собирается писать «Братьев Карамазовых».

Эти растянувшиеся на долгие годы, выношенные с любовью романы содержат много автобиографических подробностей; в них находят воспоминания детства, юности и зрелого возраста. Так было и с «Братьями Карамазовыми». Как я уже упоминала, Иван Карамазов, согласно нашему семейному преданию, — это Достоевский в его ранней молодости. Есть также известное сходство между моим отцом, каким он был, вероятно, во второй период жизни, между катаргой и длительным пребыванием в Европе после второй женитьбы, и Дмитрием Карамазовым. Дмитрий напоминает моего отца шиллеровским сентиментальным и романтическим характером, наивностью в отношениях с женщинами. Таким должен был быть, очевидно, Достоевский, считавший хитрую Марию Дмитриевну и распутную Полину женщинами, достойными уважения. «О больше всего это сходство проявляется в сценах ареста, до проса и суда над Дмитрием Карамазовым. Очевидно, сцена суда занимает так много места в романе потому, что Достоевскому хотелось описать страдания, пережитые им во время процесса Петровского и никогда им не забываемые.

Некоторое сходство существует также между Достоевским и старцем Зосимой. Его автобиография, по сути, является биографией моего отца, по крайней мере в той части, которая касается детства. Отец помещает Зосиму в провинцию, в среду, более скромную, чем его. Автобиография Зосимы написана своеобразным, несколько старомодным языком, которым говорят наши священно-

В современном литературоведении мнения о пророчестве Кюльфа противоречивы.
ш Источная из пророчество Кюльфа противоречивы.
цитата письма Достоевского к А. Н. Минкову от 14 января
1856 г. (см.: Достоевский Ф. М., т. 28, кн. I, С. 206).
из Из «Дневника писателя» за 1873 г.

М 21

С. 134).
и Есть упоминания о в раннем произведении «Хозяйка».
в Это был Василий Григорьевич П. (1833—1882).

и Выставка в Академии художеств, где демонстрировался «Портрет Достоевского» работы Перова (1872 г.), совпада с редактированием писателем консервативного журнала «Гражданин». Вс. С. Соловьев вспоминает: «Автора «Преступления и наказания» и «Записок из Мертвого дома» называли сумасшедшим, маньяком, отступником, изменником, приглашали даже публику идти на выставку в Академию художеств в посмотреть там портрет Достоевского работы Перова как прямое доказательство, что это сумасшедший человек, место которого в доме умалишенных» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. 2 М., 1964. С. 196—197).

и А. Т. Достоевская вспоминает, как перед смертью Достоевский открыл это Евангелие, подаренное ему женами декабристов по дороге на катаргу: «Открылось Евангелие от Матфея. Гл. III, ст. II: «Иоанн же удерживал его и говорил: мне надобно креститься от тебя, и ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так належит нам исполнить великую правду».

— Ты слышишь, — «не удерживай» — значит, я умру, — сказал муж и закрыл книгу» (Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987. С. 397).

и Речь идет о прапорщике В. Г. Криникове, о котором Достоевский писал брату Михаилу 22 февраля 1854 г.: «...Прапорщик Криников — каналья, каких мало, малкий варвар, сутяга, пьяница, все, что только можно представить отвратительного» (Достоевский Ф. М., т. 28, кн. I, С. 169). Но Криников не был комендантом крепости. Комендантом был подполковник Алексей Федорович де Граве М 793—1864).

и Неточно. Речь идет об А. Ф. де Граве, который был комендантом крепости со дня прибытия туда Достоевского (см. о нем: Мартынов П. К. Дела и люди века. Т. 3. Спб., 1896. С. 251—252).
и Из письма Достоевского от 21 августа 1855 г. из Семипалатинска (см.: Достоевский Ф. М., т. 28, кн. I, С. 1931).

и Это расходится со словами самого Достоевского, признававшегося, что в молодости он «страстно принял учение» Белинского и что именно на катарге у него началось «перерождение убеждений».

и С. Ф. Дуров умер в 1869 г.
и Речь идет о выдающемся казахском просветителе, этнографе, путешественнике Чокане Валиханове (1835—1865), которому Достоевский предсказал великое будущее (см.: Мануйлов В. А. Друг Ф. М. Достоевского Чокан Валиханов//Труды Ленинградского библиотечного института, т. 5, 1959. СПб. 9439369).
и Александр Егорович Врангель (1833—1915) и назначеп

и Семипалатинск от Министерства юстиции.
и Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854

и 1856 г. Спб., 1912.
и Не совсем Воспоминания А. Е. Врангеля, действительно, самые полные мемуары о жизни писателя в Семипалатинске, но есть и другие воспо-

минания: Сытина З. Из воспоминаний о Достоевском//Исторический вестник. 1895, № 1; Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958; Иванов Л. Встреча с Достоевским//Туркестанские ведомости. Ташкент, 1893, 14 февраля; К. Заметка о пребывании Достоевского в Семипалатинске//Степной край, Омск, 1896, 17 марта.

и Здесь и далее Л. Ф. Достоевская абсолютно несправедлива по отношению к первой жене писателя Марии Дмитриевне Исаевой (1824—1864).

и Павел Исаев родился в 1846 г. военным, а был чиновником Александр Иванович Исаев (1855) не был особых поручений при таможне в Семипалатинске, и в мае 1855 г. стал заседателем по корчменской части в Кузнецке.

и Речь идет о местном (1832—?).
(См. о нем: Б. Г-в (Б. скис оғын. 1926, № 3. С. 127—129).

и Это неверно.— На свадьбе Достоевского в Кузнецке был его

и поручителем, а позднее приезжал к молодоженам в Семипалатинск.
и Это не подтверждается, и здесь Л. Ф. Достоевская продолжает

и именем свое явно негативное и несправедливое отношение к Марии Дмитриевне.
и Как писал —

и «громовое известие»: Мария Дмитриевна получила предложение от «человека пожилого, с добрыми качествами, служившего и обеспеченного» и просит у него совета, как ей поступить, «прибавляет, что она любит меня, что это одно еще предположение и расчет. Я был поражен, как громом, я зашатался, упал в обморок и прошляпал всю ночь. Теперь я лежу у себя. Неподвижная идея в моей голове! Еда понимаю, как жину и что мне говорят. О, не дай господи никому этого страшного грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь вам, что я пришел в отчаяние. Я пошутил возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился... Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Бедненькая! Ангел мой! Она и так болела, а я растерзал ее! Я, может быть, убил ее моим письмом. Я сказал, что я умру, если дашь ее. Тут были и угрозы, и ласки и [униженные] просьбы, [не знаю что]» (Достоевский Ф. М., т. 28, кн. I, С. 220).

и См. примеч. 102.
и Эдуард Иванович Тотлебен (1818—1884) руководил инженерно-фортификационными работами в период обороны Севастополя 1854—1855 г.

и Достоевский учился в Инженерном училище вместе с младшим братом Э. И. Тотлебена Адольфом Ивановичем Тотлебеном. Э. И. Тотлебен учился в Инженерном училище до 1838 года, т. е. до поступления туда Достоевского, и познакомился с ним через своего младшего брата в начале 1840-х годов.

и См. п. 102.
и Член Следственной комиссии по делу петрашевцев

и Василий Афанасьевич Долгоруков (1803—1868) с 1858 г. являлся шефом жандармов и главным начальником III отделения.

и Речь идет о письме из 10—18
(см. Достоевский Ф. М., т. 28, Тверь, сданном между октября 1859 г.

и Прошение императору министру двора В. Ф. Адлерберг двоюродный брат тверского губернатора П. Т. Баранова — передал уже после того, как

вопрос о жительстве Достоевского в Петербурге был решен В. А. Долгоруковым.

¹¹² См. примеч. 102.

ут с о т, к Достоевский в это время любил другую женщину — Л. П. Судову.

¹¹⁴ См. примеч. 102.

¹¹⁵ Это неверно. Запутанные отношения с А. П. Судовой, выпуск вместе с братом Михаилом журналов «Время» и «Эпоха» не мешали все же Достоевскому быть с Марией Дмитриевной при любых ухудшениях ее здоровья.

¹¹⁶ История первого несчастного брака писателя покрыта для нас тайной. Возможно, Мария Дмитриевна быстро поняла, что она обречена как чихотная болтыня, и это сознание накладывало определенный отпечаток на ее отношения с близкими. Во всяком случае, Анна Григорьевна Достоевская, конечно, со слов самого писателя, свидетельствовала, что «обострившаяся болезнь» Марии Дмитриевны «ею сообщила особенную мучительность» ее отношениям с Достоевским (см.: Гроссман Л. Н. Достоевский М., 1962. С. 198). Если же говорить о Достоевском, то можно с уверенностью сказать, что он очень переживал, что их брак с Марией Дмитриевной оказался бездетным. Он всегда любил детей, и когда его старший брат женился и у него пошли дети, он искренне и по-хорошему завидовал брату. И здесь человеческое совпадало с писательским. Мало кто сумел так близко подойти к детской душе и так глубоко в нее проникнуть, как Достоевский. (Любопытно, что на похоронах Достоевского среди множества венков был венок и от русских детей). Многие очень любили детей, но писали о них с ласковым юмором взрослого человека и лишь едва, склонно кончиками пальцев, касались их мира. А Достоевскому детская душа открывалась полностью потому, что как художнику ему был дан самый теплый человеческий дар — дар страдания во имя любви к людям, к детям, дар сострадания. И самым сильным побуждением к состраданию являются дети.

Может быть, Достоевской все же терзалася мыслью, что когда-то в Кузнецке Мария Дмитриевна предпочла ему Вернурова исключительно по любви, не почувствовав страстную зверю унтер-офицера Достоевского в свое писательское призвание, а Мария Дмитриевна, в свою очередь, может быть, так и не смогла забыть тот страшный припадок Достоевского всего лишь через несколько дней после венчания.

Однако делая попытки проникнуть в тайну несчастного брака писателя, надо в любом случае отбросить как абсолютно лживые все «сплетни», которые явно тенденциозно приводят в своей книге Л. Ф. Достоевскую. В письме от 31 марта 1865 года к Александру Егоровичу Бранту, который не только знал хорошо Марию Дмитриевну, но и был свидетелем первых лет их любви, Достоевский писал: «Существо, подобищее меня и которое я любил без меры, жена моя умерла... Помяните ее хорошим добрым воспоминанием... Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великолупнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла — я хоть мучился, плая (несколько лет), как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хорою с нею, — но никак не мог изобразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпал землею. И вот уже год, а чувство все то же, не уменьшается» (Достоевский Ф. М., т. 28, кн. 2. С. 116). Это признание тем более поразительное, если учесть, что в последние годы жизни Марии Дмитриевны Достоевский страстью любил другую женщину — А. П. Судову.

(О М. Л. Исаевой см.: Слоним М. Л. Три любви Достоевского. Нью-Йорк, 1953).
¹¹⁷ Речь идет о второй большой любви писателя — Аполлонии Прокофьевне Судовой (1839—1918), участнице демократического движения 1860-х годов. Это является вымыслом Л. Ф. Достоевской.

¹¹⁸ Это тоже вымысел.

¹¹⁹ Письмо не сохранилось.

¹²⁰ Л. Ф. Достоевская путает с Николаем Михайловичем Достоевским, действителю, страдавшим от запоя.

¹²¹ Это был испанский студент Сальвадор.

Эта поездка к Судовой в Париж состоялась в августе 1863 года, но Достоевский был за границей и раньше, в 1862 году.

¹²² Опишка. Достоевский был у Герцена в июле 1862 года.

¹²³ Это было в первую поездку Достоевского за границу в 1862 году.

¹²⁴ Из письма Достоевского к Н. Н. Страхову от 26 июня (8 июля) 1862 года (см.: Достоевский Ф. М., т. 28, кн. 2. С. 28).

¹²⁵ Речь идет о «Преступлении и наказании».

¹²⁶ Изданный в 1928 году дневник А. П. Судовой «Годы близости с Достоевским» свидетельствует, что в ее отношениях с писателем все было гораздо сложнее, чем пишет Л. Ф. Достоевская. Передо мной в их отношениях произошел после того, как Судова сонялась в Париже с испанским студентом Сальвадором, который ее быстро бросил. Во всяком случае, в Баден-Бадене, где Судова была с Достоевским, в ее дневнике появляется такая запись: «Часов в 10 мы пили чай. Кончили его, я, так как в этот день устала, легла в постель и попросила Федора [Михайловича] сесть ко мне ближе. Мне было хорошо. Я взяла его руку и долго держала в своей. Он сказал, что ему так очень хорошо сидеть... Вдруг он внезапно встал, хотел идти, но запнулся за башмаки, лежавшие возле кровати, и также послеподня воротился и сел. «Ты куда ж хотел идти?» — спросила я. — «Я хотел закрыть окно». — «Так закрой, если хочешь». — «Нет, не нужно. Ты не знаешь, что сейчас со мной было!» — сказал он со странным выражением. — «Что такое?» — Я посмотрела на его лицо; оно было очень изволновано. — «Я сейчас хотел поцеловать твою ногу». — «Ах, зачем это?» — сказала я в сильном смущении, почти в испуге и подобрав ноги. — «Так мне захотелось и я решил, что поцелую».

Потом он меня спрашивал, хочу ли я спать, но я сказала, что нет, хочется посидеть с ним. Думая спать и раздеваться, я спросила его, придет ли горничная убирать чай. Он утверждал, что нет. Потом он так смотрел на меня, что мне стало неловко, я ему сказала это. «И мне неловко» — сказал он со странной улыбкой. Я спрятала лицо в подушку. Потом я опять спросила, придет ли горничная и он опять утверждал, что нет. «Ну, так поди к себе, я хочу спать», — сказала я. — «Сейчас», — сказал он, но несколько времени оставался. Потом он целовал меня очень горячо и, наконец, стал зажигать для себя свечу. Моя свечка догорала. «У тебя не будет огня», — сказал он. — «Нет, будет, есть пепла свечка». — «Но это моя». — «У меня еще есть». — «Всегда найдутся ответы», — сказал он, улыбаясь, и вышел. Он не затворил своей двери и скоро вошел ко мне под предлогом затворить окно. Он полопал ко мне и посоветовал раздеваться. «Я разденусь», — сказала я, делая вид, что только дожидаюсь его ухода. Он еще раз вышел и еще раз пришел под каким-то предлогом, после чего уже ушел и затворил свою дверь». (Судова А. П. Годы близости с Достоевским. М., 1928. С. 58—59).

Это совсем не наивная запись, нет. Аполлиниария наслаждается такой ситуацией и ведет любопытную дуэль рассчитанно и коварно. Любовь ее постепенно превращается в испависть. В сентябре и декабре 1864 года она записывает в своем дневнике: «Мне говорят о Федоре [Михайловиче]. Я его просто испавиша. Он так много заставляет меня страдать, когда можно было обойтись без страдания. Теперь я чувствую и вижу ясно, что не могу любить, не могу находить счастья в наслаждении любви потому, что ласка мужчин будет напоминать мне оскорблений и страданий... Когда я вспоминаю, что была я два года назад, я начинаю испавиша Достоевского, он первый убил во мне веру...» (Суслова А. П. Годы близости с Достоевским. М., 1928. С. 92, 110).

Даже если допустить эмоционально преувеличенный характер этих записей, мы все равно не можем проникнуть в последнюю тайну этой любви-испависти Достоевского и Сусловой, как не можем проникнуть в тайну несчастного брака Достоевского и Марии Дмитриевны. Мы можем сделать лишь несколько попыток.

Не повторяя уже сказанного, добавим, что любовь-испависть могла пытаться и несомненно питалась глубокими идеальными расхождениями между верующим монархистом Достоевским, каким он вернулся после катарги и ссылки, и страстью нигилисткой Сусловой, неистово отрицающей весь «старый мир» и даже готовой примкнуть к антиправительственному террору.

Обратим внимание на то, что выписанные дневниковые записи сентября и декабря 1864 года сделаны Аполлиниарией в то время, когда Достоевский продолжал ее страстно любить, о чем она прекрасно знала. Маю того, эти записи сделаны после 15 апреля 1864 года, когда умерла Мария Дмитриевна, и Достоевский уже делал Аполлиниарии предложение стать его женой: иначе он и не мыслит себе отношения с любимой женщиной. Он простил ей Сильвандра и готов был простить кого угодно, так как он любил ее.

Но на неоднократные предложения стать его женой Суслова каждый раз отвечала отказом. (Получив последний категорический отказ в начале 1865 года и поняв окончательно, что она его больше не любит, Достоевский в марте — апреле 1865 года увлекся А. В. Корвин-Круковской и сделал ей предложение). Ей пришлоось мучить его, ибо она знала, «какой он великодушный, благородный! какой [у него] ум! какое сердце!», — как записала она в том же дневнике. (Суслова А. П. Годы близости с Достоевским. М., 1928. С. 48).

Думается, в том, что любовь превратилась в испависть, виновата прежде всего и главным образом Аполлиниария. В натуре ее самой сидел изначально какой-то бес мучительства, и она это отлично сознавала, когда делала, например, такую запись в дневнике: «Мне кажется, я никого никогда не полюблю». (Суслова А. П. Годы близости с Достоевским. М., 1928. С. 57). У нее с самого начала было двойственное отношение к Достоевскому и искренняя любовь к нему сочеталась в ней всегда с такой же искренней жестокостью и деспотизмом по отношению к нему. И герой «Игрока», безусловно, имеет в виду ее характер, когда говорит: «Все зло она удивительно понимает, и мысль о том, что я вполне верно и отчетливо созидаю всю ее недоступность для меня, всю невозможность исполнения моих фантазий, — эта мысль, я уверен, доставляет ей чрезвычайное наслаждение, иначе могла ли она, осторожная и умная, быть со мной в таких короткостях и откровенностях».

А, может быть, эти дневниковые записи Аполлиниарии в сентябре и декабре 1864 года объясняются тем, что Достоевский, прекрасно видя ее в беспощадном

свете правды (это, естественно, не мешало ему страстно любить ее), имел неосторожность выложить ей всю эту беспощадную правду. (И тогда это очень может походить на историю с клеветой Н. Н. Страхова. Стоило Страхову узнать из записных тетрадей Достоевского всю беспощадную правду о себе, как он тут же оклеветал его в письме к Л. Н. Толстому, благо, когда это письмо напечатают, уже никого не будет на свете).

Во всяком случае, из письма в 1865 году Достоевского к сестре Аполлиниарии Нацедже Прокофьевне Сусловой, в котором он очень откровенно говорит о своей «роковой любви», видно, что он, действительно, «осмелился сказать своей возлюбленной беспощадную правду о ней: «Аполлиниария — большая эгоистка. Эгоизм и самодобие в ней колоссальны. Она требует от людей *всего*, всех совершисти; не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от *самых* милейших обязанностей к людям. Она корит меня до сих пор тем, что я *ведостоян* был любви ее, жалуется и упрекает меня беспрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой «Ты немножко опоздал приехать», т. е. что она полюбила другого, тогда как две недели тому назад еще горячо писала, что любит меня. Не за любовь к другому я корю ее, а за эти четыре строки, которые она присыпала мне в гостиницу с грубой фразой: «Ты немножко опоздал приехать».

Я многое бы мог написать про Рим, про наше житье с ней в Турине, в Неаполе, да зачем?... Я люблю ее еще до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить ее. Она не стоит такой любви.

Мне жаль ее, потому что, предвидя, она вечно будет несчастна. Она нигде не найдет себе друга и счастья. Кто требует от другого всего, а сам избавляется [себя] от всех обязанностей, тот никогда не найдет счастья.

Может быть, письмо мое к ней, на которое она жалуется, написано раздражительно. Но оно не грубо. Она в нем считает грубостью то, что я осмелился говорить ей наперекор, осмелился высказать, как мне было. Она меня *третировала* всегда ссыпока. Она обижалась тем, что и я захотел, наконец, заговорить, пожаловаться, противоречить ей. Она не допускает равенства в *отношениях* наших. В отношениях со мной в ней вовсе нет *человечности*. Ведь она знает, что я люблю ее до сих пор. Зачем она меня мучает? Не люба, но и не мучай». (Достоевский Ф. М., т. 28, кн. 2. С. 121—122).

Последний раз Аполлиниария и Достоевский виделись весной 1866 года. Любовь их пропала к концу, хотя переписка еще продолжалась почти год и каждый раз письма Сусловой приходили Достоевского в волнистие. Но писатель оказался пророком: Аполлиниария, действительно, «вечно была несчастна» и «нигде не нашла себе друга и счастья» (о Сусловой см.: Слоним М. Л. Три любви Достоевского. Нью-Йорк, 1953).

¹² Неточно. А. В. Корвин-Круковская была на 7 лет старше своей младшей сестры. История любви Достоевского к А. В. Корвин-Круковской в «Воспоминаниях детства» ее сестры С. В. Ковалевской (см.: Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1961). Однако из этих воспоминаний не видно, чтобы А. В. Корвин-Круковская, как пишет Л. Ф. Достоевская, хотя бы краткое время была невестой Достоевского и что из идеальных соображений обрученные отказались от брака. По свидетельству Софии Конадевской, А. В. Корвин-Круковская сразу же после предложения Достоевского говорила сестре: «Ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем, совсем посвятить